

Слюнин Николай Васильевич

**Современное положение нашего
Дальнего Востока**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Васильевич С.**
Современное положение нашего Дальнего Востока / Слюнин Николай Васильевич – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 308 с.

ISBN 978-5-519-74020-3

ISBN 978-5-519-74020-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ настоящее время мы переживаемъ глубоко интересный историческій моментъ общественнаго и административнаго переустройства нашего отечества.

На первый планъ выдвинуто много вопросовъ чрезвычайной важности; таковы, напримѣръ, вопросы о народномъ представительствѣ въ управленіи страной, аграрный вопросъ, положеніе рабочаго класса, автономія окраинъ и пр.

Рѣшеніе всѣхъ подобныхъ вопросовъ требуетъ широкой и всесторонней освѣдомленности, знанія исторіи и мѣстныхъ условій нашего обширнаго отечества и, наконецъ, того экономическаго и политическаго значенія, какое представляетъ данный районъ и опредѣленная окраина въ общегосударственномъ смыслѣ.

Можно безъ преувеличенія сказать, что мы не отличаемся широкимъ знаніемъ своей родины; въ особенности это справедливо по отношенію обширной Сибири и всѣхъ нашихъ окраинъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, когда были возбуждены вопросы объ общественномъ и административномъ переустройствѣ, мы оказались далеко неподготовленными къ великой задачѣ: по каждому вопросу въ обществѣ, среди административныхъ сферъ и въ печати слышались самыя разнообразныя, подчасъ совершенно противоположныя мнѣнія, что не могло не сказываться на положеніи дѣла и рѣшеніи самыхъ насущныхъ вопросовъ.

Подобная фактическая, конкретная неосвѣдомленность съ особенной ясностью сказывалась въ сужденіяхъ о нашемъ Дальнемъ Востокѣ, т. е. о Приамурскомъ краѣ, присоединеніе котораго къ Русскимъ владѣніямъ началось въ XVII вѣкѣ. Такъ, напримѣръ, одни указывали на то, что наша Дальневосточная окраина, не принося доходовъ, всегда ложилась тяжелымъ бременемъ на государственный бюджетъ; другіе утверждали, что этотъ край намъ ненуженъ по своей непродуцательности, ибо представляетъ или непроходимую тайгу, или топкое болото, или мерзлую тундру, гдѣ немисливо культурное населеніе. Въ нѣкото-

рыхъ кружкахъ раздавались голоса, что климатическія и почвенныя условія Приамурья не позволяютъ широкой колонизаціи его, безъ чего немислимо теперь защитить эту пустыню, и въ доказательство приводили печальные результаты всѣхъ административныхъ попытокъ ея заселенія.

Всѣ эти сужденія о Приамурскомъ краѣ достигли особой интенсивности, когда, результатомъ прошлой русско-японской войны, онъ былъ поставленъ въ исключительное положеніе.

Прошлое и настоящее положеніе окраины.

Волна, охватившая въ XVI вѣкѣ хожалыхъ людей и провѣдывателей новыхъ земель, какъ извѣстно, быстро достигла Якутска, оттуда казакъ Москвитинъ отправился на Востокъ и открылъ въ 1636 году Ламское-Охотское море, а промышленникъ Евгеній Хабаровъ занялъ въ 1651 году даурскій Албазинъ. Стремясь на просторъ Великаго океана, русскіе землепроходцы скоро овладѣли его побережьемъ отъ устья рѣки Колымы и Берингова пролива до устья рѣки Уды и Шантарскихъ острововъ. Съ тѣхъ поръ Охотско-Камчатское побережье дѣлается точкой отправленія на югъ и востокъ для дальнѣйшаго изслѣдованія: открываются Курильскіе, Командорскіе и Алеутскіе острова; русскіе перебираются на западный берегъ Америки и учреждаютъ Россійско-Американскія владѣнія. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, найдя богатые пушныя промыслы, русскіе предприниматели охотдо водворяются; правительство строитъ здѣсь суда, кладя основаніе нашему тихоокеанскому флоту, возводитъ укрѣпленія и присылаетъ цѣлыя полки войска. Но колонизація обширныхъ пространствъ поддерживается искусственнымъ путемъ; занесенныя заразные болѣзни, при отсутствіи медицинской помощи, начинаютъ производить опустошенія среди инородцевъ. Въ Камчатку ссылаются политическіе преступники, которые создаютъ потомъ цѣлое возстаніе, извѣстное подъ именемъ бунта Беневскаго. Мѣстная администрація также назначается большей частью изъ сосланныхъ и штрафованныхъ, которые, думая не о благоустройствѣ страны, а исключительно о своихъ личныхъ интересахъ, расхищаютъ промысла и разоряютъ инородцевъ.

Такъ дѣло тянется до 1854 года, когда Петропавловскій портъ и его форты подвергаются бомбардировкѣ союзной англо-французской эскадры подъ командой адмираловъ Прайса и де-Пуанта. Правда, непріятельская эскадра потерпѣла жестокую неудачу: ея десантъ горстью камчатскихъ храбрецовъ былъ сброшенъ съ высокой скалы въ Авачинскую губу; тѣмъ не менѣе мы бросаемъ незамерзающую всю зиму бухту съ ея портовыми и фортовыми сооруженіями и переносимъ свою Тихоокеанскую базу въ устье рѣки Амура, только что обследованное Невельскимъ, доказавшимъ, что Сахалинъ—островъ и что Татарскій

Пропливъ имѣеть выходъ въ Охотское море. Одновременно съ этимъ генералъ-губернаторъ Муравьевъ спускается по Амуру, а экспедиція Корсакова кладетъ начало колонизаціи Амурскаго края государственными крестьянами. По Айгунскому договору (1858) лѣвый берегъ Амура и Уссурийскій край поступаютъ въ наше владѣніе.

То былъ періодъ національнаго строительства, эпоха великихъ дѣятелей, какъ Путятинъ, Муравьевъ, Невельской, славная пора широкой дѣятельности нашихъ моряковъ—Беринга, Крузенштерна, Головина и др. Тогда русское общество вѣрило могучему слову, что разъ русскій флагъ поднять, то онъ не долженъ больше спускаться.

Дѣйствительно, наша восточно-сибирская территорія крѣпла и расширялась. Цѣлый рядъ блестящихъ экспедицій Миддендорфа, Шренка, Маака, Кропоткина, Полякова, Шмидта и др. обследуютъ мѣстныя богатства; Римскій-Корсаковъ находитъ въ Дуэ каменный уголь. Аносовъ изслѣдуетъ золотоносность системы р. Амура и дѣлаетъ изысканія для постройки Амурской желѣзной дороги.

Словомъ, на новомъ мѣстѣ, какъ прежде на Охотско-Камчатскомъ побережьи, также идетъ спѣшная предварительная работа по устройству. Въ 1859 году основывается военный постъ Владивостокъ, а въ слѣдующемъ году, согласно Пекинскому договору, мы продвигаемъ нашу южную границу до р. Тюмень-Ула и такимъ образомъ приходимъ въ непосредственное соприкосновеніе съ Кореей. Въ 1875 году, по трактату, заключенному между Россіей и Японіей, весь Сахалинъ отходить къ намъ, а японцы взаменъ южной его части получаютъ пустынные и гористые Курильскіе острова.

Такимъ образомъ, Приамурскій край въ указанныхъ границахъ достигаетъ громадныхъ размѣровъ, болѣе чѣмъ площадь окраины. въ $2\frac{1}{2}$ милл. квадр. верстъ или около 250 милліоновъ десятинъ; иначе сказать, онъ въ полтора раза превышаетъ площадь четырехъ великихъ континентальныхъ державъ, взятыхъ вмѣстѣ: Германіи, Франціи, Австріи и Италіи.

Но, повидимому, и такая колоссальная территорія не удовлетворила предпріимчивости русскихъ: въ 1897 году мы заняли Ляодунскій полуостровъ съ новымъ незамерзающимъ базисомъ—Портъ-Артуромъ и быстро провели къ нему южную вѣтвь Китайской Восточной желѣзной дороги. Тогда Владивостокъ и отчасти Приамурье отходятъ на второй планъ, а все вниманіе и средства Россіи привлекаются къ этому новому, хотя временному приобрѣтенію. Русско-Японская война 1904—1905 гг. существенно измѣнила наше положеніе на Тихоокеанскомъ побережьи; со стороны моря мы оказались окруженными желѣзной дугой Японскихъ крѣпостей и портовъ, начиная отъ Портъ-Артура, чрезъ Цусиму, Сангарскій и Лаперузовъ проливы до Корсаковского поста; намъ остается

выходъ въ Охотское море только въ сѣверной части Татарскаго пролива и то для судовъ съ малой осадкой. Южная граница въ Корей на р. Тюмень-Ула и въ южной Манчжуріи на ст. Куаньчянцзы пришла теперь въ соприкосновеніе съ сферой японскаго вліянія. Восточная часть Монгольскихъ княжествъ, прилегающихъ къ полотну Китайской Восточной дороги, въ послѣдніе годы значительно заселена китайцами; въ сѣверной Манчжуріи, въ особенности въ Хейлунцзянской провинціи и по правому берегу Амура, вблизи Благовѣщенска и Айгуна также произведена усиленная колонизація; здѣсь возникли цѣлые города, новыя крѣпости и сотни поселковъ. Если прибавить къ этому усиленное вооруженіе Японіи, проектированіе ею новыхъ желѣзныхъ дорогъ изъ Кореи, черезъ Омскъ на Гиринъ и отъ устья Ялу на Мукденъ; далѣе военныя реформы Китая въ Манчжуріи и Монголіи, то естественно притти къ мысли, что дальнѣйшее существованіе нашихъ Восточно-Азіатскихъ владѣній становится проблематичнымъ.

Такое положеніе окраины вызываетъ живѣйшій интересъ къ ея дальнѣйшей судьбѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, побуждаетъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что такое Приамурскій край, каково его экономическое и промышленное значеніе въ общей исторіи Россіи.

Для рѣшенія этого вопроса и для ознакомленія съ современнымъ положеніемъ нашего Дальняго Востока и его нуждами, мы предлагаемъ настоящій очеркъ. Но прежде чѣмъ переходить къ систематическому изложенію добытыхъ нами свѣдѣній и личныхъ обследованій названнаго обширнаго района въ экономическомъ отношеніи, а также тѣхъ перемѣнъ въ положеніи нашихъ владѣній на Дальнемъ Востокѣ, какія произошли въ послѣдніе годы, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ заселенія русскими Тихоокеанскаго побережья и нашей окраинской политики, каковыми они представляются при непосредственномъ изученіи края и его исторіи въ теченіи 22 лѣтъ, проведенныхъ нами на Дальнемъ Востокѣ.

Мы уже упоминали, что занятіе Восточной части Сибири энергичными и геройскими землепроходами совершенно замѣчательно быстро и безъ большого сопротивленія со стороны аборигеновъ страны. Нельзя, однако сказать, чтобы параллельно этому шло заселеніе края, раціональная эксплуатація его богатствъ и административное устройство новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. На окраину посылался худшій веработорпособный или больной (нравственно) элементъ; нахлынувшіе промышленники расхищали пушныя богатства и угнетали инородцевъ; административныя лица вербовались изъ провинціальнаго контингента служилыхъ, которые своими распоряженіями наводили на окраину ужасъ или оставляли по себѣ воспоминанія о самыхъ невѣроятныхъ исторіяхъ.

Вдумываясь въ эту почти трехвѣковую исторію нашего Дальняго Востока, невольно приходишь къ заключенію о неумѣнн нашихъ пионеровъ-промышленниковъ и администраціи прочно устраниваться на новыхъ мѣстахъ.

Переносъ съ мѣста на мѣсто свой базисъ: изъ Охотска—въ Петропавловскъ, изъ Петропавловска въ Николаевскъ, потомъ во Владивостокъ и наконецъ въ Портъ-Артуръ, мы не дѣлали самаго существеннаго: не закрѣпляли края, изобиловавшего разными богатствами, широкой русской колонизаціей, съ проложеніемъ дорогъ, безъ которыхъ немыслимо никакое торговое или промышленное предпріятіе. Мы все время чего-то искали, не имѣя прочной осѣдлости и напоминая мѣстныхъ кочевниковъ, которые бросаютъ свои старыя стойбища, какъ пенужныя и испорченныя. Россійско-Американскія владѣнія мы продали въ 1867 г. Соединеннымъ Штатамъ за 14 милліоновъ рублей, какъ невыгодныя, между тѣмъ какъ въ 1890 году американцы считали свои доходы съ этихъ владѣній болѣе 150 милліоновъ рублей. Послѣ перенесенія порта изъ Петропавловска въ Николаевскъ, Камчатка и Охотское побережье также были нами заброшены: пушной промыселъ приходилъ въ упадокъ, а несмѣнныя рыбныя богатства, о которыхъ упоминали первые исследователи, а въ послѣднее время напечатанные нами матеріалы, повидимому, не обратили на себя вниманія нашихъ предпринимателей, тогда какъ вскорѣ послѣ этого, именно съ 1893 года, туда ринулись японскіе рыбаки, хищническимъ промысломъ разорявшіе окраину, подобно тому, какъ на Чукотскомъ побережьи оперировали американцы. Въ настоящее время Охотскъ и Петропавловскъ являются жалкими деревушками въ 30—40 miserныхъ избышекъ; военная база,—Николаевскъ, расположенный вблизи моря, на лѣвомъ берегу многоводнаго Амура, прорѣзывающаго все Приамурье, сталъ также быстро падать, послѣ закрытія порта, какъ быстро росъ, созданный трудами Невельскаго и графа Муравьева-Амурскаго; не оживили пустынныхъ береговъ Амура и первыя 480 душъ переселенцевъ, прибывшія сюда въ 1855 году. Вскорѣ всѣ зданія и дома превратились въ развалины; искусственно созданный городъ значился только на географическихъ картахъ.

Владивостокъ, сдѣлавшись послѣ этого морскимъ портомъ и перво-классной крѣпостью, за 30 лѣтъ своего существованія хотя значительно разросся, но до послѣдняго времени представлялъ примѣръ полного неустройства. Раскинувшись по склону чудной бухты, Владивостокъ, какъ военный и коммерческій портъ, не имѣетъ ни мостовыхъ, ни приличнаго освѣщенія, ни достаточнаго количества пристаней и павтаузовъ для разгрузки, ни канализаціи и водопровода, всегда довольствуясь той питьевой «жижей», какую доставляютъ изъ грязныхъ колодцевъ и ключевыхъ лужъ китайскіе «ходи».

Что касается населенія окраины, то въ сѣверной ея части (т. е. на сѣверъ отъ Амура до Ледовитаго океана) оно постепенно вымирало подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ санитарныхъ и экономическихъ условий; въ южной же половинѣ, т. е. въ Амурской и Приморской областяхъ, росло до самаго послѣдняго времени чрезвычайно медленно, не взирая на нѣкоторыя попытки колонизировать ихъ, и далеко не обезпечивало себя продовольствіемъ. Корейцы и монголы доставляли намъ скотъ; японцы везли огородныя овощи, цементъ и уголь, при изобиліи послѣдняго въ краѣ; переселенцы, получивъ десятинные надѣлы прекрасныхъ земель, мало и плохо занимались сельскимъ хозяйствомъ, прибѣгая къ китайскому и корейскому труду, поэтому недостатокъ мучного продовольствія постоянно пополнялся привозомъ изъ Одессы, Америки и Манчжуріи. Китайцы являлись почти единственнымъ рабочимъ элементомъ на рискахъ, въ огородахъ, при постройкѣ домовъ, дорогъ, секретныхъ батарей и даже въ частной жизни, включительно до ролей няньки и повара.

Что касается эксплуатаціи природныхъ мѣстныхъ богатствъ и развитія фабрично-заводской промышленности, то на это почти не обращалось никакого вниманія, несмотря на поразительное изобиліе этихъ богатствъ; частныя лица считали такія предпріятія для себя «несподручными», далекими, а правительство не сознавало всей важности для себя и для окраины оборудованія этихъ предпріятій даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно было непосредственно въ томъ заинтересовано, какъ напримѣръ, въ угольной промышленности: имѣя до прошлой войны свой многочисленный военный флотъ и значительное коммерческое пароходство, мы довольствовались покупкой большей части расходимаго угля у иностранцевъ, главнымъ образомъ въ Японіи, и тѣмъ содѣйствовали развитію въ ней этого рода предпріятій. Мало того: даже въ послѣднее время посылаются на Дальній Востокъ военныя суда съ нефтянымъ отопленіемъ и предполагается возить черезъ Сибирь изъ Баку остатки нефти, тогда какъ мѣстные нефтяные источники не только не разрабатываются, но даже закрыты для частныхъ горныхъ развѣдокъ.

Наконецъ, во всѣхъ попыткахъ и распоряженіяхъ колонизировать эту окраину проглядываетъ взглядъ на нее, какъ на широкій сельскохозяйственный районъ, тогда какъ въ дѣйствительности, по климатическимъ, почвеннымъ и топографическимъ особенностямъ, она представляетъ больше шансовъ и значенія для горной и фабрично-заводской промышленности, а земледѣліе и скотоводство должны служить только подспорьемъ для экономическаго ея процвѣтанія.

Въ общемъ получается такое впечатлѣніе, что, водворившись въ краѣ, мы не заглядывали въ будущее, какъ будто не собираясь тамъ оставаться. За все время обладанія окраиной (для Охотско-Камчатскаго

ГЛАВА I.

Площадь Приамурскій край въ своемъ прежнемъ составѣ (куда до 1906 года входила Забайкальская область, потомъ **окраины.** причисленная къ Иркутскому генералъ-губернаторству) занимаетъ громадную площадь и лежитъ между 42° и 70° с. ш.; съ запада на востокъ протяженіе его еще больше, отъ 72° до 160° в. д. отъ Пулково. Изъ этого колоссальнаго пространства на Приморскую область приходится болѣе 1½ миллионъ кв. верстъ, на Забайкальскую—576.000 кв. верстъ и Амурскую—почти 400 т. кв. в.

Такое значительное протяженіе края съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ естественно даетъ громадную разницу въ климатическихъ условіяхъ, такъ или иначе отражающихся на трудѣ человѣка и опредѣляющихъ его образъ жизни. Съ другой стороны, устройство поверхности, тотъ или иной составъ почвы, на-ряду съ растительнымъ покровомъ, являются не менѣе важными факторами возникновенія и развитія культурной жизни. Въ этомъ отношеніи всѣ три названныхъ области (за исключеніемъ сѣверной части Приморской, т. е. Охотско-Камчатскаго побережья и Чукотской земли) представляютъ наличие благоприятныхъ условій для колонизаціи и земледѣльческаго труда.

Климатъ. Такъ, изъ метеорологическихъ наблюденій мы знаемъ, что средняя годовая температура для Владивостока, Камня-Рыболова и бухты св. Ольги +4,5° Ц., иначе сказать, почти совпадаетъ съ таковой для г. Самары. Немного меньшую годовую температуру мы имѣемъ для станціи Михайло - Семеновской +3°, Хабаровска — 0, для Благовѣщенска и Маринска (у озера Кизи)—0,5°. Наиболѣе рѣзкія колебанія годовой температуры приходятся на Забайкалье, именно для Читы они отъ +1,6° до—1,3°, для Нерчинска отъ—2,7° до—5,7°; Верхнеудинскъ по температурѣ зимы приближается къ Хабаровску (—0,1°).

Что касается зимы, то въ общемъ она не носитъ суроваго характера, хотя и уклоняется, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, отъ

зимнихъ мѣсяцевъ центральной Россіи. Такъ, Благовѣщенскъ, лежащій на одной географической широтѣ съ Харьковомъ, имѣетъ среднюю годовую температуру на 7° ниже, а средняя января понижается сравнительно съ Харьковомъ на 18°. Николаевскъ, лежащій подъ той-же широтой, какъ Бѣлостокъ, представляетъ разность годовой температуры на 9°, а январьской—даже на 20,9°. Средняя температура холоднѣйшаго мѣсяца въ Приамурскомъ краѣ опредѣляется слѣдующими цифрами: для Владивостока—16°, бухты св. Ольги—13°, Хабаровска—25°, Благовѣщенска—37°, Читы—28°, и Нерчинска—32°, хотя по среднимъ даннымъ зимнихъ мѣсяцевъ зима въ дѣйствительности оказывается болѣе умѣренной: для Владивостока—12°, бухты св. Ольги—10°, Хабаровска—22°, Благовѣщенска—23°, Читы,—25°, Албазина—27,5° и Нерчинска—30°. Лѣтній сезонъ отличается многими особенностями въ зависимости отъ положенія вблизи моря или дальше, на континентѣ, что зависитъ отъ господствующихъ вѣтровъ (муссоны), теплаго и холоднаго морского теченія, высокихъ горъ, дающихъ поздніе весенніе заморозки и пр.

Съ этими особенностями новому жителю приходится сильно считаться и вслѣдствіе незнанія климата нести значительные убытки въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ общемъ, однако, средняя температура достаточно высока, а средняя пятимѣсячнаго растительнаго періода, обуславливающая собою культурную способность края, почти вездѣ благоприятна. Нижеслѣдующая таблица даетъ соотвѣтствующія данныя:

	Сред. темп. лѣта.	Сред. темп. 5 мѣс. раст. пер.
Чита	+ 17°	+ 13,5°
Нерчинскій зав.	+ 16,5°	+ 13,2°
Албазинъ	+ 16°	+ 13,1°
Нерчинскъ	+ 16,5°	+ 12,7°
Благовѣщенскъ	+ 19,9°	+ 15,9°
Екатерино-Никольская станица .	+ 18,9°	+ 17,2°
Хабаровскъ	+ 19,1°	+ 16,3°
Владивостокъ	+ 18°	+ 16°
Бухта св. Ольги	+ 18°	+ 15°

Что касается культурности земель, лежащихъ въ сѣверной части Амурской области, и низовьевъ Амура, а также склоновъ хребта Сихота-Алинь (въ Приморской области), то здѣсь мнѣнія авторовъ, писавшихъ о Приамурьѣ, радикально расходятся. Такъ, напримѣръ, г. Грумъ-Гржимайло въ своемъ описаніи Амурской области говоритъ, что въ нижнемъ теченіи Амура, центромъ котораго служитъ Николаевскъ, температура 5-ти мѣсячнаго растительнаго періода въ +12° ставитъ пре-

пятьствіе къ развитію земледѣлія, а о сѣверной части Амурской области, лежащей южнѣ Станового хребта, климатическимъ представителемъ которой является Софійскій пріискъ на р. Алгѣ подѣ 52,5° с. ш., съ температурой растительнаго періода въ +10,3, онъ замѣчаетъ, что такая температура уже не допускаетъ развитія постоянного земледѣлія. Отсутствіе-ли подробныхъ наблюденій, или неточность привели автора къ подобному заключенію, но факты говорятъ совершенно обратное. Напримѣръ, А. Кауфманъ, специально изучавшій Амурскую область съ цѣлью опредѣленія ея колонизаціонной емкости и годности для сельской культуры, говоритъ, что ему нигдѣ не удалось достигнуть сѣверныхъ границъ возможности земледѣльческаго хозяйства. Изъ своихъ наблюденій мы можемъ прибавить, что на золотыхъ пріискахъ Титова, расположенныхъ въ вершинѣ р. Гилюй, подѣ 55° с. ш., прекрасно родится и созрѣваетъ овесъ, ячмень и ярица; на Амгуньскихъ пріискахъ, въ одинаковой широтѣ съ Софійскими, также получены прекрасные результаты посѣвовъ ячменя и ярицы. Въ настоящее время нѣсколько поселившихся тамъ крестьянъ хлопочатъ о надѣлѣ. Въ Николаевскѣ тѣсничій С. сѣялъ ячмень и получилъ хорошее зерно. Такимъ образомъ, земледѣльческая полоса, нужно думать, поднимается гораздо сѣвернѣе, находя тамъ благоприятный климатъ, о которомъ у насъ не имѣется подробныхъ наблюденій: вѣдь когда-то въ Удскомъ острогѣ, какъ извѣстно, существовало хлѣбопашество.

Перейдемъ теперь къ другому фактору земельно-колонизаціонныхъ условій. Это—муссоны, періодичность которыхъ даетъ рѣзкія колебанія температуры и опредѣляетъ количество атмосферныхъ осадковъ. Въ этомъ отношеніи на пространствѣ всего Приамурья мы имѣемъ рѣзкіе контрасты,—то сплошные, цѣлыми недѣлями, туманы или проливные дожди, поднимающіе уровень воды въ рѣкахъ иногда на 4—5 и даже 7 сажень, то періодъ засухъ, отъ которыхъ страдаютъ, главнымъ образомъ, Забайкалье и Амурская область. Въ теченіе зимы эти муссоны отличаются значительною сухостью воздуха и не даютъ достаточнаго снѣжнаго покрова, что исключаетъ почти повсемѣстно возможность посѣва озимыхъ хлѣбовъ. Въ Читѣ, Благовѣщенскѣ и Южно-Уссурійскомъ краѣ такъ мало бываетъ снѣга, что ѣзда на саняхъ становится невозможной; рѣки промерзаютъ до дна, земля сильно трескается и озимые посѣвы погибаютъ. Такія своеобразности зимы и лѣта на первыхъ порахъ смущаютъ переселенцевъ и служатъ одной изъ причинъ ихъ обратнаго ухода.

Вліяніе муссоновъ, т. е. періодичности смѣны вѣтровъ—западные зимою и восточные лѣтомъ, помимо того, что вызываетъ значительную рѣзкость между высшими и низшими температурами каждаго мѣсяца, въ особенности въ переходные періоды отъ холода къ теплу и обратно,